

Политическая лингвистика. 2024. № 3 (105).
Political Linguistics. 2024. No 3 (105).

УДК 811.161.3'374.2+811.133.1'374.2
ББК ШП41.12-42+ШП47.11-42

ГРНТИ 16.41.21; 16.31.41

Код ВАК 5.9.8; 5.9.6

Александра Игоревна Томилова^{1✉}, Наталья Владимировна Сандалова^{2✉}

¹ Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, alexara@list.ru[✉], SPIN-код: 3975-8898, <https://orcid.org/0000-0003-4233-8248>

² Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, natalia-sandalova@uspu.ru[✉], SPIN-код: 7149-6613, <https://orcid.org/0000-0003-2053-589X>

Псевдоэквивалентность политических терминов русского и французского языков

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме межъязыковой псевдоэквивалентности в политической терминологии русского и французского языков. Цель работы — лексико-семантический анализ псевдоэквивалентных терминов, отобранных методом сплошной выборки из толковых общих и терминологических словарей. Граница выделения современных политических терминов не такая четкая, так как политическая коммуникация изобилует неопределенными и общими смыслами, окказиональными словами для придания экспрессивности, неологизмами для номинации новых политических явлений. Интернационализация как тенденция развития LSP становится одним из источников возникновения псевдоэквивалентности. Подавляющее количество выделенных псевдоэквивалентных политических терминов относятся к группе частичных псевдоэквивалентов и представлены консубстанциональными терминами хотя бы в одном из рассматриваемых языков (чаще французский компонент псевдоэквивалентной пары). Группа абсолютных псевдоэквивалентов среди политических терминов представлены меньшим количеством, как и в общей лексике, ввиду развитой многозначности, а значит, совпадением хотя бы в одном из значений (что относится уже к группе частичных псевдоэквивалентов). Группа контекстуальных псевдоэквивалентов по количеству самая малочисленная. Ее существование обусловлено появлением у терминов в политическом медиатексте психолингвистического, лингвокультурологического и социолингвистического значений, которые еще только предстоит зафиксировать инновационной лексикографии путем создания ассоциативных словарей и словарей дискурсивного типа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический термин, межъязыковая псевдоэквивалентность, переводческое решение, объем семантического значения, лексикография, политическая терминология, политические термины, терминологические единицы, русский язык, лексикология русского языка, французский язык, лексикология французского языка, лексическая семантика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Томилова Александра Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620000, Россия, Екатеринбург, ул. Ленина, 51, ауд. 123; email: alexara@list.ru.

Сандалова Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов 26, ауд. 368; email: natalia-sandalova@uspu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Томилова, А. И. Псевдоэквивалентность политических терминов русского и французского языков / А. И. Томилова, Н. В. Сандалова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 3 (105). — С. 132-140.

Aleksandra I. Tomilova^{1✉}, Natal'ya V. Sandalova^{2✉}

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, alexara@list.ru[✉], SPIN: 3975-8898, <https://orcid.org/0000-0003-4233-8248>

² Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, natalia-sandalova@uspu.ru[✉], SPIN: 7149-6613, <https://orcid.org/0000-0003-2053-589X>

Pseudo-Equivalence of Russian and French Political Terms

ABSTRACT. The article deals with the problem of interlingual pseudo-equivalence in the political terminology of the Russian and French languages. The aim of the article is to carry out a lexico-semantic analysis of pseudo-equivalent terms selected by the method of continuous sampling from general and terminological monolingual (explanatory) dictionaries. The boundaries for distinguishing modern political terms are not so clear, because political communication is abundant in vague and general meanings and occasional words to add expressiveness, and neologisms to nominate new political phenomena. Internationalization as a trend in the development of language for specific purposes (LSP) is becoming one of the sources of pseudo-equivalence. The overwhelming number of identified pseudo-equivalent political terms belong to the group of partial pseudo-equivalents and are represented by consubstantial terms in at least one of the languages under consideration (usually the French member of the pseudo-equivalent pair). The group of absolute pseudo-equivalents among political terms is represented by a smaller number, as in the general vocabulary, due to the developed polysemy, and, therefore, the coincidence in at least one of the meanings (which already belongs to the group of partial pseudo-equivalents). The group of contextual

© Томилова А. И., Сандалова Н. В., 2024

pseudo-equivalents is the smallest in number. Its existence is substantiated by the emergence of psycholinguistic, linguoculturological and sociolinguistic meanings of terms in political media texts, which have yet to be fixed by innovative lexicography via the creation of associative dictionaries and discourse-type dictionaries.

KEYWORDS: *political term, interlingual pseudo-equivalence, translation technique, volume of semantic meaning, lexicography, political terminology, political terms, terminological units, Russian language, Russian lexicology, French language, French lexicology, lexical semantics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Tomilova Aleksandra Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

Sandalova Natal'ya Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English Philology and Methods of Teaching English, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Tomilova A. I., Sandalova N. V. (2024). Pseudo-Equivalence of Russian and French Political Terms. In *Political Linguistics*. No 3 (105), pp. 132-140. (In Russ.).*

1. ВВЕДЕНИЕ. INTRODUCTION

Многочисленные мировые политические и экономические кризисы XXI века привели к увеличению частоты и скорости освещения этих тем в медиа с характерным манипулятивным влиянием на восприятие отдельных событий и языковое сознание людей в целом. Многие ученые отмечают увеличение количества неологизмов, устаревание и возвращение некоторых терминов, особенно в политической сфере [Скляревская 2001: 14; Валгина 2003: 79; Кондратьева 2016: 38], изменение норм сочетаемости, семантическое и стилистическое переосмысление [Вепрева 2005; Юдина 2010 и др.] в русском языке. Перечисленные тенденции наблюдаются и в других языках.

Необходимость понимать и переводить растущее количество политических текстов на разных языках (с иностранного языка на русский для освещения мировых политических событий и мнений, отражения новых политических, экономических и социальных явлений; с русского языка на иностранный для донесения миру политической позиции России в различных вопросах и распространения русского языка и культуры) приводит к появлению новых проблем для переводоведения, терминоведения, лексикографии, межкультурной коммуникации и поиску междисциплинарных решений.

Явление межъязыковой псевдоэквивалентности как частный случай межъязыковой интерференции привлекает все больше внимания, приобретает новые формы: ранее данный феномен изучался на материале общей лексики в лексикографическом аспекте (составлялись словники и краткие учебные словари [Амиреджиби 1966; Дубичинский 2006; Канонич 2000 и др.]), в свете методики преподавания иностранных языков (разрабатывались серии упражнений для различения межъязыковых паронимов, омонимов и т. п. [Муравьев 1969; Ferguson 1994 и др.]), а также реального функционирования

слов, относящихся к данной категории, в параллельных художественных текстах для выделения переводческих решений [Томилова 2018]. В последние годы мировая обстановка определяет выбор в качестве материала многих лингвистических исследований медиатекст, в частности политический медиатекст, что нашло отражение и в изучении псевдоэквивалентности. Новизной данной статьи является выделение среди псевдоэквивалентных пар слов русского и французского языка политических терминов, их лексико-семантический анализ и изучение реальных дискурсивных значений, еще отсутствующих в словарях.

2. МАТЕРИАЛ, МЕТОДЫ, ОБЗОР. MATERIAL, METHODS, REVIEW

Говоря о политических терминах, стоит вспомнить, что любой термин в целом — это «понятие функциональное, а не структурно-субстанциональное» [Авербух, Карпова 2009: 17], т. е. выражает специальное (профессиональное) понятие в плане содержания (инвариант), а вот в плане выражения может быть представлено многочисленными вариантами (дублетами или синонимами по сигнификату). В плане перевода такое понимание приводит к большему количеству переводных эквивалентов на выбор переводчика, что в ряде случаев проявляется в определенных неточностях.

По мнению Е. Л. Гладковой, развитие политической лексики в целом, а значит и политической терминологии, зависит от следующих основных факторов: лексико-семантического (необходимость дать четкое определение новому политическому явлению), хронологического (последовательность появления политических неологизмов и частотность их употребления в различные периоды времени) и динамического (динамика развития постоянно меняющегося мира) [Гладкова 2015: 73]. Влияние данных факторов приводит к разнородности состава политической терминологии, которая по ито-

гу включает: общелитературные многозначные лексемы, однозначные узкопрофессиональные термины и консубстанциональные термины. Последние выделены С. В. Гриневым-Гриневицем [Гринев-Гриневиц 2008: 25] на основе функционального подхода и представляют собой лексемы, существующие в языке как термин для выражения специального понятия в профессиональной речи и как нетермин для обозначения неспециального понятия в обывденной речи и представляющие наибольшие трудности при выделении из словарного состава языка. Именно консубстанциональные политические термины, по мнению М. А. Казюлиной, вызывают основную проблему при прочтении новостных текстов ввиду своей многозначности [Казюлина 2011: 324–325], а значит и при переводе.

В лингвистических работах последних десятилетий наблюдается изменение границ понятия политического термина ввиду массового характера политической коммуникации в интернете и СМИ. К политическим терминам стали относить еще и индивидуально-авторские окказионализмы, новые слова, отражающие политические процессы страны в настоящее время, которые еще не обрели способность повторяться в качестве готовой языковой единицы [Кошкарлова 2012: 107].

К сожалению, словари не успевают отображать все процессы, происходящие в политической терминологии, многие из которых характеризуют языковое сознание современных носителей языка, поэтому, как отмечает О. Н. Кондратьева, необходимо создавать словари нового типа, фиксирующие реальное, а не нормативное значение политической терминологии в наши дни, с описанием реального функционирования данной категории слов с лингвокогнитивной (концепты) и лингвокультурологической (национальная специфика) направленностью [Кондратьева 2016: 38–39]. На наш взгляд, такой подход оправдан, так как именно медиатексты в целом, и политические в частности, первыми создают и/или заимствуют и распространяют новые слова и значения.

Стоит отметить, что словари в целом играют важную роль в отражении действительности через приводимые определения, помогают пользователям преодолевать межкультурные барьеры, могут создавать предвзятое восприятие лексем, в некоторых странах словарные дефиниции используются в судебных делах в качестве определяющего инструмента. На словари политических терминов возложена еще большая ответственность, на наш взгляд, ввиду необходимости приводить идеологически нейтральные определения политической лексики, что, по

мнению некоторых ученых (R. Moon 1989; H. Bejoint 1994; W. Dieckmann 1991 и др.), практически невозможно: «у каждого общества и времени есть своя правящая идеология, и все лексикографы, по крайней мере в той или иной степени, подвержены ее влиянию, а также имеют какие-то свои собственные взгляды» [Veisbergs 2002: 662].

Кроме того, многие политические термины, по мнению K. Dowding и W. Bosworth, двусмысленны (ambiguous) и расплывчаты (vague) сами по себе [Dowding, Bosworth 2018: 2], что, несомненно, вызывает трудности в их восприятии, понимании, переводе и лексикографировании. При переводе политических текстов эту двусмысленность можно нивелировать добавлением подстрочных комментариев, а во избежание расплывчатости авторы предлагают при создании текста использовать более точные политические термины, которые в некоторых случаях менее привлекательны и конкурентноспособны, зато не приведут к моральным и политическим разногласиям [Dowding, Bosworth 2018: 27], а значит и к неправильному пониманию и переводу.

А. П. Чудинов также говорит о неопределенности некоторых политических терминов, объясняя данный факт необходимостью политических лидеров во многих случаях изъясняться в максимально обобщенной форме, употреблять слова и выражения, которые различные адресаты понимают по-своему [Чудинов 2012: 55–56].

При переводе иностранных политических терминов на русский язык частыми переводческими решениями являются: подбор лексического эквивалента, калькирование, описательный перевод/интерпретация, трансформационный перевод и беспереводное заимствование (транскрипция/транслитерация). Последнее, по мнению А. Г. Анисимовой, приводит к появлению «ложных друзей» переводчика, так как некоторые термины «заимствуются/используются только в одном из своих значений, причем зачастую не в самом частотном» [Анисимова 2010: 21].

Основным методом данной работы стал сравнительно-сопоставительный. На основе определения псевдоэквивалентности [Томилова 2018: 35] и обозначенных выше границ политических терминов методом сплошной выборки и методом лексикографического анализа были отобраны псевдоэквивалентные пары слов русского и французского языков в целом, среди которых выделены псевдоэквиваленты — политические термины. Метод контекстологического анализа современных русских и французских медиатекстов позволил выделить дополнительные дискур-

сивные значения слов данной категории, не зафиксированные в лексикографических источниках. Вспомогательные методы, использованные в статье: сравнение, классификация, обобщение, систематизация и прием количественного подсчета.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. RESULTS AND DISCUSSION

Явление межъязыковой псевдоэквивалентности охватывает большой пласт лексики, в который попадают и политические термины разных языков. Применимо к рассматриваемой паре русского и французского языков стоит отметить, что из выделенных методом сплошной выборки из русских [Даль; Ушаков и др.] и французских [Le Robert; Larousse] толковых словарей 1721 псевдоэквивалентной пары, которые представлены 1471 лексической единицей русского языка и 1671 лексической единицей французского языка¹, к политическим терминам относится 32 % (551 псевдоэквивалентная пара). Однако, на основе данных словарей именно политических терминов русского [Бобрович 2018; Дейшле 2012; Коновалов 2001; Санжаревский 2010] и французского [Goode 2021; Hermet, Badie и др. 2015; Nay 2017] языков были выделены дополнительные 136 псевдоэквивалентных пар политических терминов, отсутствующие в словарях общего типа.

Используя разработанную нами ранее многоаспектную классификацию псевдоэквивалентов русского и французского языков в общем [Томилова 2008: 76–110] применимо к псевдоэквивалентам — политическим терминам в частности, стоит отметить, что количественные показатели разных групп

отличаются. Данные различия наглядно представлены в Таблице 1.

Таблица 1 наглядно демонстрирует, что качественный состав псевдоэквивалентов — политических терминов иной, подавляющее большинство псевдоэквивалентных пар относится к частичным псевдоэквивалентам, значительно возрастает доля контекстуальных псевдоэквивалентов (например, из всех отобранных ранее контекстуальных псевдоэквивалентов общей лексики 44 % были отнесены к псевдоэквивалентам — политическим терминам). Также интересно отметить, что по частеречной принадлежности доля псевдоэквивалентов — политических терминов, принадлежащих к одной части речи, выше на 3 %, чем у псевдоэквивалентов общей лексики, а если взглянуть внутрь этой подгруппы, то 88 % пар псевдоэквивалентов — политических терминов относятся к существительным, 8 % к глаголам и 4 % к прилагательным, что объясняется представленностью терминов в целом именно существительными. Рассмотрим подробнее на конкретных примерах.

Лексема *репрессалии* в русском языке в качестве политического термина на современном этапе означает *меры государства или политической силы в ответ на нарушение их прав с целью принудить отменить нарушение или возместить ущерб* [Санжаревский 2010]. В других словарях приводятся синонимичные дефиниции с небольшими нюансами, но все достаточно нейтральны, лишены прямой связи с устаревшим толкованием «репрессивные меры», но в более ранних версиях словарей еще приводится понимание *совокупность*

Таблица 1. Сравнительный анализ представленности псевдоэквивалентов общей лексики и псевдоэквивалентов — политических терминов в разных группах в русском и французском языках

Группы ПЭ	ПЭ из общей лексики	ПЭ полит. термины
<i>по объему семантического значения:</i>		
абсолютные	30%	24%
частичные	62%	68%
контекстуальные	8%	10%
<i>по частеречной принадлежности:</i>		
к одной части речи	81%	84%
к разным частям речи	8%	8%
к нескольким частям речи	11%	8%
<i>по форме:</i>		
фонетические	33%	26%
графические	14%	14%
фонетико-графические	53%	60%
имена собственные	0,5%	0,7%

¹ Квантитативная разница объясняется явлением омонимии внутри каждого из языков.

репрессивных мер, применяемых к иностранному государству или его гражданам в ответ на какие-н. неправомерные действия с его стороны [Ушаков; ЭСИС 2004]. Пример показывает развитие, переосмысление и изменение настроения политического термина. Во французском языке термин *représailles* в более ранних версиях словарей толковался как *violences que l'on fait subir à un ennemi pour répondre à un acte hostile, se venger* [Robert 2004] (досл. пер. автора: *насильственные действия, которым подвергается враг в ответ на его враждебный акт, с целью отомстить*). На современном этапе в толковых словарях французского языка мы находим следующие значения: 1) *mesures de violence prises par un État pour répondre à un acte jugé illicite d'un autre État* [Le Robert] (досл. пер. автора: *насильственные меры, принимаемые одним государством в ответ на незаконное, по его суждению, действие другого государства*); 2) *riposte individuelle à un mauvais procédé* [Le Robert] (досл. пер. автора: *индивидуальное ответное действие на плохой поступок*) или *action de rendre le mal qu'on a subi* [Larousse] (досл. пер. автора: *действие по возврату причиненного зла/неприятности*). Именно наличие второго значения во французском языке (*мщение, возмездие, наказание*) при отсутствии в русском языке позволяет отнести данный пример к частичным псевдоэквивалентам, хотя современные дефиниции первого значения также отражают небольшую разницу в психолингвистическом понимании.

Одна из тенденций развития языков для специальных целей и терминологии — интернационализация — приводит к появлению в разных национальных языках сходных в своем фонетическом оформлении и тождественных по выражаемым понятиям терминов, а в последнее время интернациональный фонд формируется все более ускоренными темпами [Авербух 2006: 28–29]. Обратной ее стороной является увеличение доли частичных псевдоэквивалентов среди политических интернационализмов, а также доли псевдоэквивалентов общего происхождения. Например: политический термин *импичмент* в русском языке применяется к описанию событий или традиций в других странах, например, в США, Бразилии, Германии, Италии, Франции, Финляндии, Румынии и др. и имеет значение *правовой процедуры привлечения к суду парламента высших должностных лиц государства и рассматривается критерием уровня развитости демократии*, а также второе значение: *процесс отрешения от должности и при-*

влечения к судебной ответственности высших должностных лиц [Санжаревский 2010; Коновалов 2001]. Французский консубстанциональный термин *empêchement* имеет политическое значение *Interruption prématurée du mandat présidentiel. (En France, c'est le Conseil constitutionnel qui, statuant à la majorité de ses membres, apprécie souverainement les cas d'empêchement: maladie, scandale, etc. Selon qu'il est qualifié de momentané ou de définitif, l'empêchement ouvre une phase d'intérim ou autorise le remplacement du président de la République)* [Larousse] (досл. пер. автора: *досрочное прекращение президентского срока (Во Франции именно Конституционный совет большинством голосов своих членов суверенно рассматривает/оценивает случай такого досрочного прекращения: болезнь, скандал и т. п. В зависимости от того, квалифицируется ли данное прекращение как временное или окончательное, запускается период временного замещения или разрешается замена Президента Республики)*), религиозное значение *loi ecclésiastique limitant le droit de contracter mariage, d'entrer en religion, de recevoir les ordres sacrés ou d'exercer les ordres reçus* [Larousse] (досл. пер. автора: *церковный закон, ограничивающий право вступать в брак, постригаться в монахи, получать священнические саны или осуществлять уже полученные саны*), а также общелексические значения *помехи, препятствования, затруднения* в целом и др. Таким образом, данные интернационализмы являются частичными псевдоэквивалентами с интересной этимологией: русская лексема пары *импичмент* относительно недавно заимствована из английского языка, в котором лексема *impeachment* произошла от старофранцузской *empeschement* (современный вариант — *empêchement*), которая в свою очередь, восходит к латыни.

Отражение более современных политических событий ведет к появлению новой общественно-политической лексики в медиатекстах, выступлениях и интервью политиков (*нашизм, ньюсмейкер, сурвивализм* и др.), которую часто называют политическими терминами, однако не всегда правомерно. На наш взгляд, нужно разграничивать терминологию и теминолексику [Авербух 2006: 111], термины (совершенно официально принятые и узаконенные в науке обозначения/названия какого-то понятия) и профессионализмы (полуофициальные слова, распространенные чаще в разговорной речи среди людей какой-то профессии, не являющиеся строгим научным обозначением понятия) [Авербух 2006: 129]. При этом оба

экспрессивно нейтральны. Окказиональные слова придают политическому тексту экспрессивность, чем вызывают интерес у адресата, что приводит к частому их использованию, а вследствие этого — к восприятию в качестве терминов.

Отобранные из терминологических словарей термины **аболиционизм** и **abolitionnisme** мы отнесли к контекстуальным псевдоэквивалентам, так как лексемы в целом эквивалентны по данным словарей, но у них есть значения *уничтожения гос. надзора за проституцией, отмена института тюрьмы* и др., не зафиксированные в словарях, а проявляющиеся лишь в медиатекстах. Создаются разные общественные движения, которые на своих сайтах приводят узкоспециализированное понимание и свою интерпретацию данного термина, что требует от переводчиков самостоятельного поиска этих данных и использования приемов амплификации¹ и экспликации² для подробного описания сути явления в данном конкретном контексте.

Однокоренной пример **аболиция** и **abolition** отнесен к группе частичных псевдоэквивалентов, так как представлен политическим термином в русском языке (*отмена закона, решения в целом и официальное опровержение клеветы, прекращение уголовного дела при недоказанности вины юридически в частности*) и консубстанциональным термином во французском языке (*отмена, прекращение, устранение, ликвидация, уничтожение в целом*). Стоит отметить, что такое соотношение частичных псевдоэквивалентов (однозначный термин в русском языке и консубстанциональный термин во французском) является самым частотным. Еще одним примером может послужить пара **абсентеизм** (*сознательное бойкотирование избирателями выборов, отказ, уклонение от участия в них*) и **absentéisme** (*невыход на работу, непосещаемость занятий, проживание землевладельца за пределами своего имени; неучастие избранных представителей власти в работе заседаний*), которая, согласно данным словарей, будет отнесена к группе абсолютных псевдоэквивалентов, а истинными переводными эквивалентами будут *abstentionnisme (électorale)* и *невявка, прогул* соответственно.

Применимо к псевдоэквивалентам — политическим терминам, которые превалируют в политическом медиатексте с его огромным

манипулятивным потенциалом, правомерно ввести новое понятие прагматической псевдоэквивалентности, которое представляет собой нарушение передачи коммуникативного эффекта в переводном тексте и искажение воздействия на реципиента перевода ввиду неправильного понимания оригинала и/или неправильной передачи переводчиком национально-культурных особенностей употребления лексики, относящейся к категории псевдоэквивалентов, и/или ее имплицитных значений, обусловленных узким или широким контекстом.

К частичной прагматической псевдоэквивалентности приводят незначительные нюансы в семантике интернациональных политических терминов, например: **путч** (*государственный переворот, совершенный группой заговорщиков*, в некоторых источниках уточняется, что *небольшой группой, а также попытка подобного переворота*, в некоторых источниках характеризуемая как *авантюристическая*) и **putsch** (*военный государственный переворот, внезапная атака, совершенная вооруженной политической группой с целью захвата власти и/или смены режима; не обязательно с высокой степенью социальной мобилизации*) — истинными переводными эквивалентами русскоязычной лексемы пары могут быть также и *coup de main, pronunciamiento, coup d'État, émeute*.

Отнесенность лексемы к определенной терминосфере, казалось бы, уже определяет ее стилевую принадлежность, однако на современном этапе развития политического дискурса мы наблюдаем возможность вариативности. Например, пара **указ** и **oukase** (или *ukase*) являются частичными псевдоэквивалентами согласно словарным дефинициям: *oukaze — истор. эдикт/постановление, изданный/ое царем; в России и СССР декрет, изданный государством; перенос. авторитарное, необоснованное, произвольное, безапелляционное решение, императивный приказ; указ — в ряде стран нормативный акт главы государства; постановление верховного органа власти, имеющее силу закона; разг. приказ, распоряжение; не указ — не авторитет, не образец для подражания*. Прямое терминологическое значение (не разговорное, не переносное) при реальном функционировании в политическом дискурсе нередко приобретает эмоциональную окрашенность (непря-

¹ Замена при переводе сокращенного наименования какого-либо места, учреждения и др. полным.

² «Введение в переводной текст дополнительной информации с целью донести до читателя то, что в оригинале ясно без каких-либо уточнений» (Белая Е. Н. Практический курс перевода: учебное пособие для студентов, изучающих французский язык. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 6).

мое сравнение правителя с царем; намеки на авторитаризм и др.): *батюшка-губернатор собственноручно подписал указ* [НКРЯ 2003], *сейчас тиски будут постепенно сжиматься, потому что англичане задействуют целый ряд подзаконных указов, а именно указ о непонятном происхождении капитала* [НКРЯ 2018], *теоретически любой гражданин, чьи права так или иначе ущемляли бы эти президентские указы, мог бы обратиться за их отменой в судебные органы — вплоть до Конституционного суда РФ* [НКРЯ 2003] и др.; *l'oukase, signé jeudi 27 avril par Vladimir Poutine, est aussi inattendu que brutal* [Le Monde 2023] (досл. пер. автора: *указ, подписанный В. Путиным в четверг 27 апреля, является одновременно неожиданным и жестоким*); *l'homme de fer de la Russie, le néo-Tsar Vladimir Poutine, par oukase, a octroyé la nationalité russe à Gérard Depardieu, pauvre réfugié fiscal dans le royaume belge* [Mediapart 2013] (досл. пер. автора: *Железный человек России, нео-царь В. Путин своим указом наделил/пожаловал российское гражданство Жерару Депардьё, бедному налоговому беженцу в бельгийском королевстве*) и др. Правомерным представляется мнение А. П. Чудинова, подчеркнувшего, «что сами по себе стандартизованность или экспрессивность политического текста не должны оцениваться как положительные или отрицательные качества» [Чудинов 2012: 58], поэтому наблюдаемые тенденции стилевого сдвига употребления терминов могут быть охарактеризованы как узурпаторские, дискурсивные особенности развития терминов на современном этапе, а также как одни из способов манипуляции в политическом медиатексте.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. CONCLUSIONS

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о преобладании в современной политической терминологии русского и французского языков консубстанциональных терминов, что вместе с тенденцией к интернационализации приводит к развитой частичной псевдоэквивалентности среди политических терминов рассматриваемых языков на основе данных толковых (общих и политических) словарей, которые не успевают отражать новые термины и переосмысленные значения существующих терминов. Абсолютные и контекстуальные псевдоэквиваленты политических терминов представлены меньшим количеством, что объясняется для первых представленностью терминов в целом единицами специальной но-

минации, наличием в языке паронимов, а значит, возможностью неразличения истинного эквивалента и псевдоэквивалента при переводе, а для вторых — развитием лингвокультурологических, социолингвистических и психолингвистических значений слов в новых контекстах.

Сам политический текст как профессиональная сфера функционирования политических терминов претерпевает качественные изменения: на практике допускается размытие стилевых границ, появляется большое количество окказиональных слов, прямых заимствований для номинации новых общественно-политических явлений, что приводит к терминологической путанице в лингвистических работах, где авторы смешивают политическую лексику, политические профессионализмы, политические термины, которые требуют пересмотра подходов к их определению и лексикографированию.

Одна из упомянутых причин возникновения псевдоэквивалентности — неполнота раскрытия значений слов существующих двужычных и даже одноязычных словарей — связана и с другими актуальными проблемами лексикографии: отсутствием единой структуры словарной статьи, критериев отбора лексических единиц и экстралингвистической информации в словарной статье, а также избыточностью и недостаточностью, актуальностью, семантизацией, филиацией, упорядочиванием системы значений и др. В процессе семантического анализа псевдоэквивалентных пар стала очевидной необходимость составления специализированных словарей псевдоэквивалентов в целом и псевдоэквивалентных политических терминов в частности, которая обусловлена возможностью включения в словарную статью дополнительной информации, необходимой для более глубокого понимания значения слова, не только зафиксированного в общих толковых и переводных словарях, но и в политическом дискурсе, а также в узусе и сознании носителей; особенностями лексем, образующих данный лексический пласт; видами псевдоэквивалентных пар по объему семантического значения (абсолютные, частичные, контекстуальные), поскольку частичные и контекстуальные псевдоэквиваленты могут представлять опасность не только для изучающих иностранный язык людей (в большей степени подверженных влиянию родного языка, межъязыковой интерференции), но и для профессиональных переводчиков ввиду совпадения в одном или нескольких значениях и расхождения лишь в некоторых.

СЛОВАРИ

1. Амiredжиби, Т. С. Ложные друзья переводчика / Т. С. Амiredжиби. — Тбилиси : Изд-во Грузинского политехн. ин-та, 1966. — 44 с. — Текст : непосредственный.
2. Бобрович, В. И. Словарь терминов по политологии: сетевое электронное учебное издание / В. И. Бобрович, Н. И. Марчинская, Л. Н. Криворот. — Минск : МГЛУ, 2018. — 41 с. — Текст : непосредственный.
3. Дейшле, В. А. Политология : терминологический словарь / В. А. Дейшле, А. А. Лобжанидзе ; под ред. М. Г. Штракса. — Москва : МАДИ, 2012. — 79 с. — Текст : непосредственный.
4. Дубичинский, В. В. Учебный словарь русско-испанских лексических параллелей (Diccionario didáctico de paralelos léxicos ruso-español) / В. В. Дубичинский, Т. Н. Шайхиева, Е. И. Конакова. — Гранада : Изд-во Ун-та Гранады, 2006. — 176 с. — Текст : непосредственный.
5. Канонич, С. И. 300 ложных друзей переводчика. Испанско-русский словарь-справочник / С. И. Канонич. — Москва : Менеджер, 2000. — 112 с. — Текст : непосредственный.
6. Коновалов, В. Н. Политология : словарь / В. Н. Коновалов. — Ростов-на-Дону : РГУ, 2001. — 285 с. — Текст : непосредственный.
7. Муравьев, В. Л. «Faux amis», или «Ложные друзья» переводчика / В. Л. Муравьев. — Москва : Просвещение, 1969. — 48 с. — Текст : непосредственный.
8. Национальный корпус русского языка. 2003–2023. — URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.12.2023).
9. Санжаревский, И. И. Политическая наука : словарь-справочник / И. И. Санжаревский. — Москва : РГУ, 2010. — 988 с. — Текст : непосредственный.
10. Словарная база из 21 толкового словаря русского языка Золотого фонда отечественной лексикографии. — URL: <https://www.slovari.ru> (дата обращения: 30.11.2023).
11. Электронный словарь иностранных слов. Мультимедиа-издательство «Адепт», 2004. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). — Текст : электронный.
12. Электронный словарь французского языка Larousse. — URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (дата обращения: 17.07.2023).
13. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / Le Robert en ligne. — URL <https://dictionnaire.le Robert.com> (дата обращения: 30.11.2023).
14. Ferguson, R. Italian false friends / R. Ferguson. — Toronto : University of Toronto Press, 1994. — 124 p. — Text : unmediated.
15. Goode, W. Dictionnaire des termes de politique commerciale / W. Goode. — Genève : OMC, 2021. — 581 p. — Text : unmediated.
16. Hermet, G. Dictionnaire de la science politique et des institutions politiques / G. Hermet, B. Badie, P. Birnbaum, P. Braud. — Paris : Srmant Colin, 2015. — 324 p. — Text : unmediated.
17. Larousse. Dictionnaire de français. — URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (date of access: 26.02.2024). — Text : electronic.
18. Le Petit Robert. Version électronique. — Paris : Robert, 2004. — 1 CD-ROM. — Text : electronic.
19. Le Robert en ligne. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. — URL: <https://dictionnaire.lerobert.com> (date of access: 26.02.2024). — Text : electronic.
20. Nay, O. Lexique de science politique / O. Nay. — Paris : Dalloz, 2017. — 1217 p. — Text : unmediated.

ИСТОЧНИКИ

1. Le Monde. Le journal quotidien français. — URL: <https://www.lemonde.fr> (date of access: 26.02.2024). — Text : electronic.
2. Mediapart. Le quotidien d'actualité numérique français. — URL: <https://www.mediapart.fr> (date of access: 26.02.2024). — Text : electronic.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авербух, К. Я. Общая теория термина. — Москва : Изд-во МГОУ, 2006. — 252 с. — Текст : непосредственный.
2. Авербух, К. Я. Лексические и фразеологические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / К. Я. Авербух, О. М. Карпова. — Москва : Академия, 2009. — 176 с. — Текст : непосредственный.

3. Анисимова, А. Г. Методология перевода англоязычных терминов гуманитарных и общественно-политических наук : 10.02.04, 10.02.20 : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Анисимова А. Г. — Москва, 2010. — 51 с. — Текст : непосредственный.

4. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. — Москва : Логос, 2003. — 304 с. — Текст : непосредственный.

5. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. — Москва : Олма-Пресс, 2005. — 384 с. — Текст : непосредственный.

6. Гладкова, Е. Л. Новые термины в общественно-политической лексике современного персидского языка / Е. Л. Гладкова. — Текст : непосредственный // Политика и политики: политический дискурс как объект лингвистического анализа. — Москва : Изд-во «МГИМО-Университет», 2015. — С. 72–82.

7. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение : учеб. пособие / С. В. Гринев-Гриневиц. — Москва : Академия, 2008. — 304 с. — Текст : непосредственный.

8. Казюлина, М. А. О месте политической терминологии в общественно-политической лексике / М. А. Казюлина. — Текст : непосредственный // Преподаватель XXI век. Филологические науки. — 2011. — № 3. — С. 321–325.

9. Кондратьева, О. Н. «Словарь политических терминов в СМИ» как новый лексикографический продукт / О. Н. Кондратьева. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2016. — № 6 (44). — С. 38–49.

10. Кошкарлова, Н. Н. Политические термины российской действительности через призму лингвокреативной деятельности / Н. Н. Кошкарлова. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. — 2012. — № 2. — С. 104–107.

11. Склярская, Г. Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы / Г. Н. Склярская. — Текст : непосредственный // Исследования по славянским языкам. — Сеул, 2001. — № 6. — С. 177–202.

12. Томилова, А. И. Явление межъязыковой псевдоэквивалентности в русском и французском языках: теоретические и прикладные аспекты / А. И. Томилова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2018. — 219 с. — Текст : непосредственный.

13. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2 (40). — С. 53–59.

14. Юдина, Н. В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? / Н. В. Юдина. — Москва : Гнозис, 2010. — 293 с. — Текст : непосредственный.

15. Dowding, K. Ambiguity and vagueness in political terminology: on coding and referential imprecision / K. Dowding, W. Bosworth. — Text : unmediated // European journal of political theory. — 2018. — Vol. 2, Iss. 2. — P. 1–33. — DOI: 10.1177/1474885118771256.

16. Veisbergs, A. Defining political terms in lexicography: recent, past and present / A. Veisbergs. — Text : unmediated // Proceedings of the 10th EURALEX International Congress. — Denmark, 2002. — P. 657–667.

DICTIONARIES

1. Amirejibi, T.S. (1966). *Lozhnye druzia perevodchika* [False friends of the translator]. Tbilisi: Publishing house of the Georgian Polytechnic Institute, 44 p. (In Russ.)
2. Bobrovich, V.I. (2018). *Slovar terminov po politologii: setevoe elektronnoe uchebnoe izdanie* [Dictionary of terms in political science: network electronic educational publication]. Minsk: MSLU, 41 p. (In Russ.)
3. Deishle, V.A. (2012). *Politologiiia: terminologicheskii slovar* [Political science: terminological dictionary]. Moscow: MADI, 79 p. (In Russ.)
4. Dubichinsky, V.V., Shaikhieva, T.N., & Konakova, E.I. (2006). *Uchebnyi slovar russko-ispanskikh leksicheskikh paralelel* [Diccionario didáctico de paralelos léxicos ruso-español]. Granada: Publishing House of the University of Granada, 176 p.

5. Kanonich, S.I. (2000). *300 lozhnykh druzei perevodchika* [300 false friends of the translator]. Spanish-Russian dictionary-reference book. Moscow: Manager, 112 p. (In Russ.)

6. Konovalov, V.N. (2001). *Politologiya. Slovar* [Political science. Dictionary]. Rostov n/Don: RSU, 285 p. (In Russ.)

7. Muravyov, V.L. (1969). *Faux amis ili lozhnye družia perevodchika* ["Faux amis", or "false friends" of the translator]. Moscow: Education, 48 p. (In Russ.)

8. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian language] (n.d.). Retrieved December 15, 2023, from <https://ruscorpora.ru/> (In Russ.)

9. Sanzharevsky, I.I. (2010). *Politicheskaya nauka: slovar-spravochnik* [Political science: dictionary-reference book]. Moscow: RSU, 988 p. (In Russ.)

10. *Slovarnaya baza iz 21 tolkovogo slovaria russkogo yazyka Zolotogo fonda otechestvennoi leksikografii* [Dictionary database of 21 explanatory dictionaries of the Russian language from the Golden Fund of Russian lexicography] (n.d.). Retrieved November 30, 2023, from <https://www.slovari.ru> (In Russ.)

11. *Elektronnyi slovar inostrannykh slov* [Electronic dictionary of foreign words]. Multimedia publishing house "Adept", 2004. 1 CD-ROM.

12. *Electronic dictionary of the French language Larousse* (n.d.). Retrieved July 17, 2023, from <https://www.slovari.ru>

13. *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. Le Robert en ligne (n.d.). Retrieved November 30, 2023, from <https://dictionnaire.lerobert.com>

14. Ferguson, R. (1994). *Italian false friends*. Toronto: University of Toronto Press, 124 p.

15. Goode, W. (2021). *Dictionnaire des termes de politique commerciale*. Genève: OMC, 581 p.

16. Hermet, G., Badie, B., Birnbaum, P., & Braud, P. (2015). *Dictionnaire de la science politique et des institutions politiques*. Paris: Srmant Colin, 324 p.

17. Larousse. *Dictionnaire de français* (n.d.). Retrieved February 26, 2024, from <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>

18. *Le Petit Robert*. Version electronic (2004). Paris: Robert. 1 CD-ROM.

19. Le Robert en ligne. *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française* (n.d.). Retrieved February 26, 2024, from <https://dictionnaire.lerobert.com>

20. Nay, O. (2017). *Lexique de science politique*. Paris: Dalloz, 1217 p.

MATERIALS

1. Le Monde, Le journal quotidien français (n.d.). Retrieved February 26, 2024, from <https://www.lemonde.fr>

2. Mediapart. Le quotidien d'actualité numérique français (n.d.). Retrieved February 26, 2024, from <https://www.mediapart.fr>

REFERENCES

1. Averbukh, K.Ya. (2006). *Obshchaya teoriya termina* [General theory of the term]. Moscow: Publishing house MGOU, 252 p. (In Russ.)

2. Averbukh, K.Ya., & Karpova, O.M. (2009). *Leksicheskie i frazeologicheskie aspekty perevoda ucheb posobie dlia stud vyssh ucheb zavedenii* [Lexical and phraseological aspects of translation: a textbook for students of higher institutions]. Moscow: Academy, 176 p. (In Russ.)

3. Anisimova, A.G. (2010). *Metodologiya perevoda angloiazychnykh terminov gumanitarnykh i obshchestvenno-politicheskikh nauk* [Methodology of translation of English-language terms of the humanities and socio-political sciences] [Abstract of Dis. of Philology]. Moscow, 51 p. (In Russ.)

4. Valgina, N.S. (2003). *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom iazyke ucheb posobie dlia studentov vuzov* [Active processes in modern Russian: textbook. manual for university students]. Moscow: Logos, 304 p. (In Russ.)

5. Vepreva, I.T. (2005). *Iazykovaia refleksia v postsovetskuiu epokhu* [Language reflection in the post-Soviet era]. Moscow: Olma-Press, 384 p. (In Russ.)

6. Gladkova, E.L. (2015). *Novye terminy v obshchestvenno-politicheskoi leksike sovremennogo persidskogo iazyka* [New terms in the socio-political vocabulary of the modern Persian language]. In *Politics and politicians: political discourse as an object of linguistic analysis* (pp. 72–82). Moscow: Publishing house "MGIMO-University". (In Russ.)

7. Grinev-Grinevich, S.V. (2008). *Terminovedenie: ucheb posobie* [Terminology: textbook]. Moscow: Academy, 304 p. (In Russ.)

8. Kazulina, M.A. (2011). *O meste politicheskoi terminologii v obshchestvenno-politicheskoi leksike* [On the place of political terminology in socio-political vocabulary]. In *Teacher of the XXI century. Philological sciences* (Iss. 3, pp. 321–325). (In Russ.)

9. Kondratyeva, O. N. (2016). "Slovar politicheskikh terminov v SMI" kak novyi leksikograficheskii produkt ["Dictionary of political terms in the media" as a new lexicographic product]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 6(44), 38–49. (In Russ.)

10. Koshkarova, N.N. (2012). *Politicheskie terminy rossiiskoi deistvitel'nosti cherez prizmu lingvokreativnoi deiatel'nosti* [Political terms of Russian reality through the prism of linguistic and creative activity]. *Uralskii filologicheskii vestnik Iazyk. Sistema. Lichnost. Lingvistika kreativa*, 2, 104–107. (In Russ.)

11. Sklyarevskaya, G.N. (2001). *Slovo v meniaiushchemsia mire russkii iazyk nachala XXI stoletia: sostoianie problemy perspektivy* [The word in a changing world: the Russian language of the early 21st century: state, problems, prospects]. *Issledovaniia po slavianskim iazykam*, 6, 177–202. (In Russ.)

12. Tomilova, A.I. (2018). *Iavlenie mezhiazykovoii psevdokvivalentnosti v russkom i frantsuzskom iazykakh teoreticheskie i prikladnye aspekty* [The phenomenon of interlingual pseudo-equivalence in the Russian and French languages: theoretical and applied aspects]. Ekaterinburg: Publishing house "Ural State Ped. University", 219 p. (In Russ.)

13. Chudinov, A.P. (2012). *Diskursivnye kharakteristiki politicheskoi kommunikatsii* [Discursive characteristics of political communication]. *Political Linguistics*, 2(40), 53–59. (In Russ.)

14. Yudina, N.V. (2010). *Russkii iazyk v XXI veke: krizis? evoliutsiia? progress?* [Russian language in the 21st century: a crisis? evolution? progress?]. Moscow: Gnosis, 293 p. (In Russ.)

15. Dowding, K., & Bosworth, W. (2018). *Ambiguity and vagueness in political terminology: on coding and referential imprecision*. *European journal of political theory*, 2(2), 1–33.

16. Veisbergs, A. (2002). *Defining political terms in lexicography: recent, past and present*. In *Proceedings of the 10th EURALEX International Congress* (pp. 657–667).